

ный вечеръ въ обстановкѣ, какъ его устраиваютъ люди богатыхъ классовъ? Содержаніе такихъ картинъ понятно далеко не всѣмъ, а первой—даже немногимъ, только тѣмъ, которые сколько-нибудь знакомы съ исторіей. Эти картины изображаютъ не дурныя чувства, а состоянія или чувства исключительныя, т. е. понятныя только нѣкоторымъ классамъ. Можно было бы согласиться съ Толстымъ, если бы онъ относилъ къ дурному искусству только тѣ произведенія, которыя выражаютъ дурныя чувства; помѣщеніе же въ этотъ разрядъ п того, что понятно не всѣмъ, равносильно отрицанію полезности одежды только потому, что она приходится не на всякій ростъ или что ея цвѣтъ не идетъ къ лицу каждаго.

Нельзя раздѣлить взглядъ Толстого и на правду въ искусствѣ. Онъ хочетъ навязать слову «правда» значеніе, котораго оно не имѣетъ. Подъ нею разуміютъ все, что согласно съ дѣйствительностью, независимо отъ того, признаемъ ли сказанное и написанное нравственнымъ или безнравственнымъ. Разъ Толстой непременно хотѣлъ пользоваться этимъ словомъ въ своихъ опредѣленіяхъ, то ему слѣдовало отличать правду человѣческую отъ правды Божіей и подразумѣвать подъ послѣднею только доброе, которое соотвѣтствуетъ дѣйствительности, а равно и такое, какого не было и даже быть не могло. Если же держаться опредѣленія Толстого, то и въ древней и новой литературѣ почти не найдется произведеній, которыя можно было бы признать правдивыми. Возьмемъ, на примѣръ, Илиаду, которую и Толстой считаетъ истинно художественнымъ произведеніемъ. Съ его точки зрѣнія пришлось бы назвать ее ложью, ибо герои грековъ и троянцевъ прославляются не за поступки, которые, по міросозерцанію христіанъ, соотвѣтствуютъ волѣ Божіей, а за подвиги языческіе, грѣховныя. Если держаться этого опредѣленія, то пришлось бы назвать ложными всѣ произведенія Гёте, Пушкина, Гюго, Диккенса, словомъ, писателей, которыхъ высоко цѣнить и самъ Толстой. Пришлось бы признать ихъ ложными по слѣдующимъ причинамъ. Если писатель изображаетъ дѣятельность однихъ своихъ героевъ такъ, какъ даетъ ее сама жизнь, гдѣ худое переплетается съ добрымъ и стремленіе къ личному благу—съ готовностью служить людямъ, а другихъ героевъ такъ, что они большею частью своихъ поступковъ соотвѣтствуютъ христіанскимъ идеаламъ, то художественное произведеніе будетъ и правдивымъ и ложнымъ. Оно будетъ и тѣмъ и другимъ какъ по содержанію, такъ и по вліянію на читателей: быть можетъ, нѣкоторые изъ